

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

©2023 Н.А. Нефляшева

НЕФЛЯШЕВА Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: innef@mail.ru

***Аннотация.** В основу статьи положены материалы проведенной Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН научной конференции с международным участием «Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт)». В конференции приняли участие как представители академического сообщества из России, Казахстана и США, так и практики, психологи и социальные работники, непосредственно участвующие в программах дерадикализации исламистов. На конференции обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся основных направлений и теоретических подходов к проблеме дерадикализации, а также конкретные программы и практики в этом направлении. Особое место было уделено возможностям применения международного опыта в Российской Федерации. Конференция имела междисциплинарный характер. Несмотря на разные подходы к основным дефинициям, характеризующим дерадикализацию, участники обсуждения продемонстрировали единство в оценках актуальности темы и ее перспектив. В предлагаемой вниманию читателей статье представлены краткие обзоры выступлений некоторых участников конференции.*

Ключевые слова: ислам, исламизм, радикализация, дерадикализация, Африка, Российская Федерация

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-136-146

ВВЕДЕНИЕ

В Институте Африки РАН 26 октября 2022 г. состоялась научная конференция с международным участием «Дерадикализация исламистов: теория и практики (международный и российский опыт)». Организатор конференции – Центр цивилизационных и региональных исследований (далее – ЦЦРИ).

Актуальность, научная и практическая значимость проблематики дерадикализации исламистов определяется фактором угрозы терроризма, который продолжает оставаться одной из серьезных проблем для мировой безопасности. Во многих странах мира была сформирована глобальная антитеррористическая повестка с преобладанием силовых подходов. Однако статистика и практика показали, что, несмотря на большое количество контртеррористических операций по всему миру, направленных на устранение вооруженных боевиков, угрозы и риски радикализации не уменьшались.

Многие государства в своей борьбе с терроризмом и экстремизмом достигали успеха в краткосрочной перспективе, но терпели крах в долгосрочной. Очевидность этих проблем подтверждает необходимость комплексной контртеррористической политики. Важной стратегической целью в борьбе против терроризма является дерадикализация тех, кто уже совершил террористические акты, и предотвращение радикализации потенциальных рекрутов терроризма. В западной академической традиции не только сложилась историография проблемы и круг обсуждаемых тем [1], но и были инициированы многочисленные программы дерадикализации исламистов. В Российской Федерации данная проблематика начала активно обсуждаться относительно недавно, со второй половины 2010-х гг.

Целью конференции была выработка единого подхода к проблемам дефиниций дискурса дерадикализации, анализ практик борьбы с радикальными исламскими течениями в современном мире, включая профилактику роста радикального исламизма, умиротворение исламистов, преодоление негативных установок.

На конференции работали три секции: «Дерадикализация исламистов: теория, методология, историография проблемы», «Дерадикализация исламистов: опыт России и стран СНГ», «Дерадикализация исламистов: опыт стран Африки, Европы и США».

В конференции приняли участие ученые из Института Африки Российской академии наук (РАН), Института всеобщей истории РАН, Дипломатической академии МИД России, Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Воронежского государственного университета, Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Академии наук Республики Татарстан, Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, Центра анализа и развития межконфессиональных отношений Республики Казахстан, Общественного фонда «Информационно-пропагандистский и реабилитационный центр AQNIET» Республики Казахстан, американского *Caspian Policy Center*. Было заслушано 25 докладов.

Заведующий Центром цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН И.В. Следзевский, открывая конференцию, отметил, что сегодня в рамках религиозного, культурного, политического возрождения ислама можно обозначить целый ряд масштабных процессов, принципиально важных для понимания трансформации ислама, повлекших за собой его политизацию и радикализацию. Прежде всего, необходимо обратить внимание на феномен глобализации политического ислама, на тенденции развития сетевого ислама, связанные с миграционными процессами.

И.В. Следзевский подчеркнул, что за прошедшие годы накоплен значительный опыт силовой борьбы с радикальным исламизмом, в том числе с запрещенной в России группировкой Исламское государство. Однако приходится признать, что силовые методы не привели к принципиальному изменению ситуации в мире в плане угрозы радикализации ислама.

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Старший научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН Н.А. Нефляшева подчеркнула, что дискурс дерадикализации и терминология, связанная с ним, пришли из западной академической литературы и описываются двумя ключевыми терминами – *deradicalization* и *disengagement*. С 2010-х гг. оба понятия – и дерадикализация, и разве-

динение – начали широко обсуждаться, их концептуальная проработка, взаимодействие друг с другом вызывала и продолжают вызывать споры в академической литературе. Один из подходов подразумевает под дерадикализацией отказ от применения насилия, но сохранение своей идеологии, взглядов, ценностей (Дж. Хоган [2]). Второй подход основан на том, что дерадикализация предполагает, что в результате соответствующих программ их участник не только изменит свое поведение и откажется от применения насилия, но и воспримет новую систему ценностей и установок, в которой насилие для достижения политических целей будет неприемлемым (О. Ашур [3]).

С.Х. Сулумов, заведующий кафедрой Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова обратил внимание на то, что попытка использования термина «радикализация» лишь относительно факта вступления в вооруженные группировки и участия в насильственных действиях ограничивает его «рабочий» объем. По мнению Сулумова, продуктивен подход Д. Барлетта и К. Миллера, предложивших разграничить два вида радикализации. Первая – насильственная радикализация, или радикализация, ведущая к насилию, – представляет собой процесс, в ходе которого отдельные лица приходят к принятию насилия, напрямую участвуют или помогают в террористической деятельности. Второй вид – радикализация, не приводящая к насилию, ненасильственная радикализация, – это процесс, с помощью которого отдельные лица приходят к поддержке радикальных взглядов в отношении *status quo*, но не принимают, не участвуют и не помогают террористической деятельности.

О.С. Павлова, заведующая кафедрой МГППУ, отметила, что в настоящее время наиболее известной социально-психологической моделью, объясняющей радикализацию, является трехмерная модель радикализации Д. Веббера и А. Круглански [4]. Павлова подчеркнула, что необходимыми элементами идеологий, одобряющих воинствующий экстремизм, являются: а) четкое обозначение происходящего с группой как несправедливости, б) идентификация виновников, за это ответственных (реальных или мнимых), в) оправдание насилия как подходящего ответа виновнику за несправедливые обиды [5]. Соответствующая идеология должна одобрять насилие и причинение вреда другим людям – вещи, которые обычно воспринимаются как аморальные и снижающие значимость, – и превращать их в законные действия [6]. Именно поэтому во многих исследованиях радикализация измеряется не напрямую как поддержка той или иной террористической организации, а как одобрение, оправдание межгруппового насилия, которое лежит в основе экстремистского мышления [7]. Групповое насилие возможно при поддержке и одобрении группы. Поэтому третьей составляющей радикализации, по мнению участника конференции, является социальная сеть индивида.

Старший научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН Е.В. Харитоновна рассказала о том, что с психологической точки зрения, базовыми элементами радикализации являются мотивационно-потребностные и смысловые факторы. Зная эти факторы, можно выстроить эффективную схему противодействия радикализации, работающую по принципу замещения. Харитоновна подчеркнула, что люди поддаются вербовке и вступают в радикальные исламистские организации под влиянием двух базовых обстоятельств. Первое – это несоответствие окружающей действительности усвоенным религиозным, нравственным, этическим нормам. Второе – ожидания решения всех проблем и удовлетворение потребностей различного уровня (по А. Маслоу¹) через интеграцию в радикальную группировку. Харитоновна считает, что особого внимания для объ-

¹ Абрахам Гарольд Маслоу (1.04.1908 – 8.06.1970) – американский психолог, создавший иерархию потребностей, теорию психологического здоровья, основанную на приоритетном удовлетворении врожденных потребностей человека, кульминацией которых является самоактуализация.

яснения процессов радикализации и разработки технологий дерадикализации заслуживает теория стигматизации. На социально-психологическом уровне работа по профилактике радикализации должна включать в себя также работу и с «принимającym» обществом в целях профилактики стигматизации. Докладчик отметила, что специфика современного развития западного мира входит в противоречие с ценностями традиционной этики потенциальных исламистов.

Директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан Р.Ф. Патеев сосредоточил свое выступление на мировоззренческих аспектах фаталистического сознания и общей социальной радикализации человека. По мнению докладчика, оно является первичным и происходит под влиянием различных социально-психологических факторов. Это деформирующее воздействие во взаимоотношениях со своими родителями, личные трагедии, дезадаптация в процессе миграции и т.д. После первичной радикализации начинается религиозная индоктринация с последующим приобщением к радикальным взглядам и практикам. Патеев считает, что радикальная исламистская идеология является вторичной по отношению к сформировавшемуся мировоззрению. Отношение радикалов к современному обществу как к порочному и поэтому якобы «варварскому» (джахилия) становится причиной экстернизации (переноса поиска причин проблем на внешние объекты и факторы)². Все отрицательные моменты жизни соотносятся с происками современного «порочного общества», якобы отрицательно настроенного против истинных мусульман. Переформатирование подобного мировоззрения с представлением о «вине внешних сил» на внутреннюю самокритику является важным фактором в дерадикализации. Глубинные интервьюирования могут подтолкнуть личность к саморефлексии через осмысление собственной жизни (судьбы) и ответственности перед Аллахом.

Доцент НИУ-Высшая школа экономики И.А. Царегородцева обратила внимание, что мусульманские ученые не прекращают заниматься поисками теоретических основ обоснования нелегитимности радикальных идей в исламе и видят задачу в том, чтобы в противодействии этим идеям и их носителям убедительно прозвучали аргументы, основанные на Коране. Царегородцева посвятила свой доклад теоретику дерадикализации ислама Мухаммаду Шахруру (1938–2019). В своих книгах Шахрур принципиально отвергал терроризм, насилие и радикализм и даже не пытался разглядеть в них реакцию на какие-либо внешние или внутренние вызовы. Царегородцева отметила, что для Шахрура любой коранический фрагмент – это часть единого целого, анализ которого невозможен без исследования всего контекста. Важным является и поиск исходной семантики наиболее проблемных и дискуссионных сегодня слов в контексте ислама – «терроризм», «деспотизм», «шахид» и пр. Шахрур считал, что понимать священный текст нужно с опорой на этот источник, но ни в коем случае не игнорируя достижения современной науки.

Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН В.В. Павлов, проанализировавший финансовые аспекты дерадикализации исламистов, обратил внимание на то, что в настоящее время эффективное адаптивное реагирование исламского финансового права на условия функционирования мировых финансовых рынков обусловило определенный отход от ряда господствующих норм и обычаев шариата и создало возможность для использования исламскими финансовыми и банковскими организациями в их операционной и инвестиционной деятельности некоторых ключевых положений англосак-

² В значительной степени на подобную трактовку концепции «джахилии» повлияли взгляды главного идеолога движения «братья мусульмане». См.: Яшин И.Г. Дихотомия «исламский мир – запад» в учении Сейида Кутба (1906–1966). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Политология»*. 2008, № 1, с. 83–90.

сонского прецедентного права, в частности для беспрепятственного привлечения ими дополнительных внешних заемных ресурсов. Эволюционная трансформация исламского финансового права в свою очередь обусловила дальнейшее усиление роли исламских микрофинансовых организаций, фондов и банков микрофинансирования в качестве реального ключевого инструмента целенаправленной дерадикализации исламистских сообществ во многих мусульманских странах, адаптации бывших боевиков к постоянной трудовой профессиональной занятости и нормальной мирной жизни в местах их прежнего проживания.

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ОПЫТ РОССИИ И СТРАН СНГ

В рамках обсуждения проблематики второй секции ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН М.С. Албогачиева заострила внимание на опыте дерадикализации ингушского общества. Она рассказала о работе в Ингушетии Комиссии по адаптации бывших боевиков, о мерах правительства республики и общественных организаций в отношении вдов, жен и детей боевиков, в частности о том, как местные женские организации помогают женам боевиков социализироваться в обществе.

Л.У. Курбанова, доктор социологических наук, профессор Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова раскрыла опыт Чеченской республики в дерадикализации и профилактической работе с молодежью. Она отметила, что в новых условиях традиционные общества переживают процесс ломки своих общественных структур. Встраивание этих обществ в глобальный мир сопровождается внутренними противоречиями, характеризующимися «вилками процесса»: с одной стороны, нежеланием менять привычные стандарты жизни, с другой – осознанием объективной необходимости входить в общее пространство меняющейся глобальной реальности. Северокавказский регион, по мнению Курбановой, остается одним из самых социально напряженных регионов России. Здесь проблема радикальных экстремистских настроений молодежи требует деликатной превенции со стороны экспертного сообщества в силу сложности и многослойности нерешенных экономических, социальных, культурных, этнических и религиозных/конфессиональных проблем.

Доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства С.В. Сиражудинова сосредоточилась на гендерном аспекте дерадикализации на Северном Кавказе. Она отметила, что проблема дерадикализации женщин остается одной из самых актуальных [8]. Женщина является транслятором ценностей в семье, поэтому от ее настроений и позиции зависит будущее общества. Проведенное в регионе исследование показало, что в настоящий момент сохраняется высокая религиозность, приверженность идеологии остается прежней, но активность женщин перенаправляется в новое русло. Женщины из группы риска вовлекаются в новые практики – здоровый образ жизни, правильное питание, забота о здоровье и теле и так далее. Эти женщины заинтересованы в изменении места жительства, сохранении общения с единомышленниками, переориентации активности в сферу бизнеса и услуг. Сиражудинова подчеркнула, что «не только женщины из группы риска дистанцируются от непонимающего их общества, но и само общество выстраивает границы, отделяя женщин еще сильнее». В данной ситуации важно избегать подобного отдаления, проявлять внимание к проблемам близких, и тогда молодые люди, оставаясь верными религии, будут с уважением относиться к принципам гуманизма и ненасилия.

Директор Центра анализа и развития межконфессиональных отношений из Республики Казахстан Г.М. Раздыкова познакомила с казахстанским опытом репатриации и

реабилитации эвакуированных из зон террористической активности. Они были вывезены из Ирака, Сирии, Турции и Афганистана. В целом, общее количество возвращенных из зон террористической активности составляет 749 человек (37 мужчин, 190 женщин, 522 ребенка). По прибытии в Казахстан репатрианты в течение месяца находились в оздоровительном и рекреационном центре реабилитации и адаптации в городе Актау. Методология социальной реабилитации, разработанная сотрудниками этого центра, учитывала особенности каждой категории репатриантов: дети-сироты, дети из неполных семей, женщины с детьми, женщины без детей, мужчины. В центре в первую очередь осуществлялась медико-психологическая реабилитация. Далее следовала правовая оценка действий возвращенных лиц в период их пребывания в зоне террористической деятельности, оказывалась социальная поддержка. Наконец, психолого-педагогическая реабилитация включала комплекс мероприятий и мер, направленных на адаптацию к условиям мирной жизни.

Старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Т.В. Котюкова рассказала об историческом опыте Российской империи и практике формирования лояльности мусульманской уммы в Туркестане.

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ ИСЛАМИСТОВ: ОПЫТ СТРАН АФРИКИ, ЕВРОПЫ И США

Третья секция начала работу с доклада ведущего научного сотрудника ЦЦРИ Института Африки РАН А.Н. Мосейко «Следование принципам этики суфийского ислама как один из путей дерадикализации в Африке». Суфизм не имеет программы дерадикализации, но его этическое учение, по мнению автора, по своей сути противостоит радикальному исламу. Предметом суфийской этики является человек, и прежде всего его «правильное поведение». Главным принципом этики является связь, двуединство намерения и действия, скрытого и явного, внутреннего и внешнего. Состояние души человека проявляется во всех его поступках. Поэтому суфии придают огромное значение самосовершенствованию человека. Суфийская этика призывает множить связи между людьми, ибо в них проявляются лучшие стороны человека: скромность, отзывчивость, желание помочь другому.

Продолжая раскрывать эту тему, старший научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН Р.С. Бобохов остановился на политизации салафизма и кризисе суфизма в Тропической Африке. Основная политическая цель салафитов – путем вооруженной борьбы построить исламское государство в странах этого региона. Главный враг в регионе для салафитов не христиане, а представители суфизма, которые исповедуют, по мнению салафитов, «неверный» ислам. Политические установки и программы салафитских группировок отличаются тем, что в их учении присутствуют два системообразующих, присущих салафизму положения: о такфире (обвинение в неверии всех мусульман, кто не согласен с салафитами) и о джихаде, который преподносится как вооруженная борьба против неверных, вменяемая в обязанность каждому мусульманину. Цивилизационные вызовы салафизма в Тропической Африке направлены, по мнению докладчика, прежде всего против тарикатов и способствуют кризису суфизма в регионе в целом.

Научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН О.В. Карпачева рассказала об опыте дерадикализации в Египте и Марокко. Современная стратегия Египта по дерадикализации заключается в крупномасштабных военных операциях против ИГИЛ и в подавлении силами безопасности «братьев-мусульман». Это кардинально отличается от стратегий конца 1990-х гг., когда власти способствовали процессу массовой дерадикализации членов организации. Основное внимание в 1990-е гг. власти сосредоточили на поддержке заключенных участников этих группировок, а также членов их семей. Были

приостановлены казни по приговорам военных судов, пытки, отменено одиночное заключение. Все, кто не представлял значительной угрозы, были освобождены. Заключенным предлагали участие в образовательных курсах, разрешали доступ к газетам и телевидению. Стратегии дерадикализации и программы противодействия экстремизму рассматриваются в Египте как вопросы национальной безопасности, в сферу которых гражданское общество не допускается.

В Марокко, по информации О.В. Карпачевой, выработан другой подход. Три наиболее важных компонента политики государства в области дерадикализации и предотвращения распространения экстремизма включают традиционные силовые методы, вплоть до ликвидации террористических ячеек; религиозные реформы, способствующие дерадикализации общества; реабилитацию осужденных и их реинтеграцию в общество.

Младший научный сотрудник Института Африки РАН А.А. Семенова сосредоточила внимание на женском исламском радикализме в Тунисе и инструментах дерадикализации. Она разделила инструменты дерадикализации на две группы. Первая – общие, затрагивающие всех находящихся в зоне риска вне зависимости от половой принадлежности [9]. Ко второй группе относятся специфические инструменты дерадикализации, направленные конкретно на дерадикализацию женских групп. Отличительной чертой Туниса является то, что такие меры реализуются не государством и не гуманитарными или общественными организациями, а профильными женскими ассоциациями. К наиболее эффективным направлениям дерадикализации в Тунисе можно отнести, по мнению Семеновой, сокращение разрыва в развитии регионов и повышение вовлеченности женщин в экономическую деятельность.

Старший научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН И.В. Пономарев в докладе «Элита, контрэлита и западная ментальность: идеологические и прагматические аспекты «дерадикализации» исламистов на примере Кении и Мали» поставил вопрос о том, что программы дерадикализации нередко выполняют функцию выкачивания денег из западных партнеров и «отвода глаз» от насущных проблем исламской уммы. Дерадикализация исламистов в Кении и Мали не может осуществляться в ситуации прямого военного и косвенного экономического давления условного Запада на страны зоны Сахары-Сахеля, которое с каждым годом усиливает антизападные и антисекулярные настроения большей части местного населения. Программы дерадикализации разрабатываются в основном в рамках западной идеологии, имплицитно берущей европейскую модель секулярной демократии как образец, гипотетически пригодный для всех обществ. Массовое сознание вводится в заблуждение риторикой секуляризма, в том числе о дерадикализации, его претензиями на научную обоснованность. По мнению Пономарева, в современной ситуации секулярно-конфессионального (цивилизационного) противостояния ученые России и постсоветского пространства могли бы разъяснить мифы секуляризма в отношении различных конфессий и даже культур и цивилизаций, тиражируемые западными политтехнологами. Это могло бы стать одним из эффективных средств дерадикализации, адаптированным для постсоветского пространства.

Научный сотрудник ЦЦРИ Института Африки РАН Н.А. Воронина рассказала о наиболее масштабных программах дерадикализации в Англии [10]. В большинстве программ дерадикализации особая роль отводится психологическим тренингам и диалогу с религиозными лидерами. По мнению Ворониной, при разработке программ дерадикализации в России можно учесть примеры негативного опыта Великобритании. Во-первых, необходимо исключить ситуации, когда программы дерадикализации способствуют стигматизации мусульманской молодежи. Во-вторых, необходимо подготовить специалистов, прекрасно знающих исламскую идеологию, способных грамотно апеллиро-

вать к источникам исламского права – Корану, Сунне, фетвам. В-третьих, программы дерадикализации должны опираться не на поверхностные гипотезы, согласно которым радикальный ислам – это зло, не имеющее рационального обоснования, а на фундаментальные исследования, раскрывающие причину радикальных настроений.

Доцент Дипломатической академии МИД России А.А. Кашина раскрыла тунисский подход к проблеме дерадикализации исламистов, а исследователь из вашингтонского *Caspian Policy Center* М.Х. Абдуллаев рассказал о многозначности радикализации и подходах к ее пониманию в контексте противодействия экстремизму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обсуждение представленных докладов и проведение итоговой дискуссии позволило участникам конференции сделать важные выводы, касающиеся проблематики дерадикализации исламистов в теоретическом и практическом аспектах.

Инновационность программ дерадикализации заключается в том, что они предлагают методологии и методы, находящиеся за привычными рамками, основанными только на силовых методах в отношении осужденных террористов и тех, кто находится в группе риска. Анализ существующих программ дерадикализации в Европе, на Ближнем Востоке и в странах Африки показал, что они направлены не только на то, чтобы человек отказался от практики применения насилия, но чтобы он признал, что политические изменения могут быть достигнуты путем легальной политической конкуренции, в рамках правового поля, без применения насилия и терроризма. Не менее важная цель успешных реабилитационных программ заключается в общественной мобилизации и влиянии общества на предотвращение радикализации.

Программы, принятые в разных странах, имеют свою региональную специфику, но каждая программа так или иначе включает сессии с уважаемыми и авторитетными религиозными деятелями и имамами; работу с психологами; вовлечение в процесс дерадикализации близкого окружения, родителей, друзей и семьи; профессиональное образование, а также интеграцию в процесс мирной жизни после того, как осужденные вышли на свободу. Большая роль в программах дерадикализации отводится исламским ученым, алимам, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании Корана и Сунны, шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия.

Существуют определенные риски, затрудняющие дерадикализацию. Люди, решившие порвать с экстремистскими группами, могут быть стигматизированы своими бывшими товарищами и даже стать объектом мести. Важно, чтобы после отбывания срока наказания рядовые члены террористических группировок были ограждены от влияния своих прежних лидеров и включены в социальные сети, основанные на нормах «умеренного» ислама.

Одним из главных результатов обсуждения можно считать предложения о том, какой опыт программ дерадикализации исламистов может быть востребован в России. Важно подчеркнуть, что механическое перенесение опыта других стран на Россию невозможно. Однако некоторые работающие составляющие программ дерадикализации могут быть применены в регионах Северного Кавказа и Поволжья. Во-первых, это участие в программах дерадикализации квалифицированных исламских ученых. Без качественного религиозного образования цели программы не могут быть достигнуты. Во-вторых, участники программы должны получить профессиональную подготовку, что поможет им достичь финансовой независимости хотя бы для обеспечения расходов, связанных с оплатой жилья и содержанием детей. В-третьих, важно вовлечение членов

семьи в процессы реабилитации. Именно семья и ближайшие родственники могут создать почву для реинтеграции в общество.

ИСТОЧНИКИ

1. Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In *T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*. London, Routledge, 2009, с. 30–48; Feddes A. R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. Retrieved from <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (accessed 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In *N. Ferguson, Post Conflict Reconstruction*. Newcastle, CSP. 2010, с. 151–164.
2. Horgan J. Deradicalization programs: recommendations for policy and practice. Washington, D.C.: RESOLVE Network, August 2021, с. 1. <https://doi.org/10.37805/pn2021.18.vedr> (дата обращения 09.01.2023)
3. Ashour O. *The deradicalization of jihadists: Transforming armed Islamist movements*. Oxon: Routledge, 2010, 222 с. ISBN 9780415588348
4. Webber D. et al. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018, т. 114, № 2, с. 270–285.
5. Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. *The three pillars of radicalization. Needs, narratives and networks*. Oxford University Press. 2019, 272 с. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001
6. Ozer S., Bertelsen P. Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2019, т. 25, № 3, с. 211–225.
7. Stankov L. Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world, and divine power. *Psychological Assessment*. 2010, т. 22, № 1, с. 70–86.
8. Юнусова А.Б. Женщины в списке Росфинмониторинга: краткий статистический обзор перечня физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. *Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект: Материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 24–25 июня 2022 года*. ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2022, с. 217–229. ISBN 978-5-00212-191-5.
9. Country Reports on National Approaches to Extremism: Tunisia. *Framing Violent Extremism in the MENA region and the Balkans. The European Institute of the Mediterranean*. December 2020. <https://h2020connekt.eu/publications/tunisia-country-report-on-national-approaches-to-extremism/> (дата обращения 20.09.2022)
10. Weeks D. Lessons Learned from UK Efforts to Deradicalize Terror Offenders. *Combating Terrorism Centre CTC*. March 2021, т.14, ч. 3. <https://ctc.westpoint.edu/lessons-learned-from-uk-efforts-to-deradicalize-terror-offenders> (дата обращения 07.09.2022)

DERADICALIZATION OF ISLAMISTS: THEORY AND PRACTICES (INTERNATIONAL AND RUSSIAN EXPERIENCE)

© 2023 Naima Nefliasheva

NEFLIASHEVA Naima A., PhD (History), Senior Research Fellow, Associate Professor, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: innef@mail.ru

Abstract. *The article is based on the materials of the international scientific conference held by the Center for Civilizational and Regional Studies of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences "Deradicalization of Islamists: Theory and Practices (International and Russian Experience)". The conference was attended by both representatives of the academic circles from Russia, Kazakhstan and the United States, and practitioners, psychologists and social workers who are directly involved in the programs of deradicalization of Islamists in their countries. The conference discussed the main directions and theoretical approaches of deradicalization, as well as specific programs and practices of the deradicalization of Islamists. Special attention was paid to the possibilities of applying international experience in the Russian Federation. The conference was interdisciplinary. According to the participants of the conference, the programs adopted in different countries have their own regional specifics, but each program somehow includes work with convicts or those who are at risk: sessions with respected and authoritative religious figures and imams; work with psychologists; involvement in the process of deradicalization of the inner circle, parents, friends and family; vocational education and obtaining a profession, as well as integration into the process of peaceful life after the convicts were released after imprisonment. Deradicalization programs should be comprehensive in nature, including not only forceful methods, but also a set of measures for training, education and social rehabilitation. Despite different approaches to the main definitions of deradicalization, the participants of the discussion demonstrated unanimity in assessing the relevance of the topic and its prospects. The paper contains an introduction and the short theses of the conference participants. At the end of the work, a conclusion is given, which summarizes the main results of the conference.*

Keywords: *Islam, Islamism, radicalization, deradicalization, Africa, Kazakhstan, Russian Federation*

DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-136-146

REFERENCES

- Ashour O. *The deradicalization of jihadists: Transforming armed Islamist movements*. Oxon: Routledge, 2010, 222 p. ISBN 9780415588348.
- Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*. London: Routledge, 2009, pp. 30-48; Feddes A.R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. Retrieved from <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (accessed 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In N. Ferguson, (Ed.), *Post Conflict Reconstruction*. Newcastle: CSP. 2010, pp. 151–164.
- Country Reports on National Approaches to Extremism: Tunisia. *Framing Violent Extremism in the MENA region and the Balkans*. The European Institute of the Mediterranean. December 2020.

- <https://h2020connekt.eu/publications/tunisia-country-report-on-national-approaches-to-extremism> (accessed 20.09.2022)
- Horgan J. Deradicalization programs: recommendations for policy and practice. Washington, D.C.: RESOLVE Network, August 2021, p. 1. <https://doi.org/10.37805/pn2021.18.vedr> (accessed 09.01.2023)
- Kruglanski A.W., Bélanger J.J., Gunaratna R. *The three pillars of radicalization. Needs, narratives and networks*. Oxford University Press. 2019, 272 p. DOI:10.1093/oso/9780190851125.001.0001.
- Ozer S., Bertelsen P. Countering radicalization: An empirical examination from a life psychological perspective. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2019, vol. 25, issue 3, pp. 211–225.
- Stankov L. Saucier G., Knežević G. Militant extremist mind-set: proviolence, vile world and divine power. *Psychological Assessment*. 2010, vol. 22, issue 1, pp. 70–86.
- Webber D. et al. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2018, vol. 114, issue 2, pp. 270–285.
- Weeks D. Lessons Learned from UK Efforts to Deradicalize Terror Offenders. *Combating Terrorism Centre CTC*. March 2021, vol.14, issue 3. <https://ctc.westpoint.edu/lessons-learned-from-u-k-efforts-to-deradicalize-terror-offenders> (accessed 07.09.2022)
- Yunusova Aislu B. Women on the Rosfinmonitoring list: a brief statistical overview of the list of individuals, in respect of which there is evidence of their involvement to extremist activity or terrorism (In Russian). *Religion, religious organizations, strategies and practices of deradicalization: Gender aspect: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, June 24–25, 2022*. Makhachkala ALEF Publishing House, 2022, pp. 217–229. ISBN 978-5-00212-191-5.